

И срезались сердца мои

И облитая чёрным густым потом кровать положится подле, и горячие хладностиями оставшихся во боли лет жары её плесневеют тяжёлыми, всё боле кажущимися особлениями упавших непроизвольно оглушившим меня осевшестиями вопящей ко ушам моим страхами тоих гридеперливых шёпотов мутнот рассудка моего мги рокотом воспалённых кожистых чешуй моих спарениями: рассудок мой всё менее походит на привычный, на означенный человеческим, и с тем: с тем дубеют тела мои: с тем распадаются ко полам и землям язвы мои отвердевшие, и; третий день апреля: сегодня ум мой впервые за четыре дня положится в том, что Братья мои номинировали бы приличным и должным; на кровати моей тело моё: сухое, совершенно обескровленное и чёрное: со временем кровать сама рассасывает появляющиеся на нём тела мои: я же, отстоящий от тела своего в недолгом, едко поваливающимся золочениями темноты метре, смотрю на себя, и. Во честности с Господом тружусь и молюсь я, и во Благодати же был я наделён...

Новый Человек, то были и есть его имя и фамилия, вид имел следующий: он молод, осанка его имела приобретённую кривизну, хотя и ходил он почти всегда гордо, если не ходил совершенно (тогда болел он унынием и не вставал с кровати вовсе), причёска и аксессуары проявляли довольное отсутствие вкуса, однако были дороги и редки. Новый был человеком недалёким и крайне зависимым от необразованного общества: сам говорил он, что давно он потерял прежде прочно стоящие во земле корневища свои, и оттого вынужден довольствоваться некоторой поверхностностью, которая чаще проявлялась в том, как ему приятно говорить с говорящими лучше него: так, оказывалось, что говорить ему нравилось со всеми: поскольку же говорили с ними охотнее люди необразованные, с теми он беседовал и от тех он набирался.

Несмотря на ту зависимость от человека, Человек часто был агрессивен и мог даже напасть на собеседника, видя в том некоторого "старого человека" или, вероятно, Старого Человека. В этом почти никто не разбирался, и потому со временем Человека считали всё менее человеческим и приятным: даже его необразованных товарищей это мало устраивало, и оттого он мог месяцами без вод и хлеба бродить в поисках общения. Почти никогда эти хождения не приводили к чему-то продуктивному: Новый Человек решал во итогах своих совершенно обособиться и искать некоторой правды внутри себя, да ни разу за все эти тяжёлые долгие циклы он не смог прийти к чему-то конкретному и ясному, и то даже не так страшно: страшнее было, что Человеку не становилось легче.

Потом Человек приходил к вере, озывался повстанцем и уверялся во своей сострадательности: кто-то даже давал ему название некоторой машины, однако Новый считал

это обидным и уходил дальше. Его могли назвать таковым, однако он оставался Новым: фамилия его словно и олипала той грязью неизменности своего образа, из-за которой революционерство и проповеди его оставались для всех совершенной ерундою. Никто не воспринимал его всерьёз. Кажется, не воспринимал его всерьёз и он сам.